

С первыми лучами солнца Янь Пин уже был на ногах. Разомнувшись перед утренней тренировкой, он с удовлетворением отметил, что рана на спине почти затянулась. Закончив с водными процедурами, он вышел из дома и направился к Универмагу Южной улицы — эту точку он заранее приметил в онлайн-путеводителе.

Согласно сетевым отзывам, этот район так и кипел жизнью: здесь бок о бок уживались одёжные лавки, закусочные, фермерский рынок, супермаркет и даже начальная школа. Иными словами, всё необходимое для быта было под рукой — как раз то, что нужно Янь Пину, решившему наконец обзавестись полезными мелочами.

Часы показывали ровно семь утра. Над уличными лотками и лавочками уже клубился пар, разнося на кварталы вокруг густой, аппетитный аромат свежей выпечки — парных булочек-мантоу и пышных баоцзы.

Сонные клерки и школьники торопливо заскакивали в павильоны. Те, кто проспал, даже не пытались присесть за столик — они хватали бумажные пакеты с горячей едой прямо из рук хозяев и жевали на ходу, спеша на учёбу и работу.

На их фоне старики и фрилансеры выглядели на редкость неторопливыми. Они не спеша прохаживались между торговыми рядами, придирчиво выбирая свежую зелень и мясо, чтобы позже побаловать сытными домашними обедами детей и внуков.

Обладая тонким слухом, Янь Пин улавливал обрывки разговоров: то тут, то там горожане вовсю обсуждали таинственную чёрную кошку. Спорили горячо, каждый на свой лад. Было очевидно, что история о чудесном спасении из огня ещё долго будет главным городским преданием.

Миновав рынок, Янь Пин вошёл в здание универмага. Левая рука его всё ещё покоилась на поддерживающей повязке, но это не мешало ему праздно бродить среди витрин, с любопытством разглядывая незнакомые предметы и мысленно сопоставляя их с картинками из интернета.

Теорию следовало закреплять практикой.

Сколько ни изучай диковинный новый мир по экрану телефона или страницам книг, по-настоящему поймёшь его устройство лишь тогда, когда сможешь безошибочно узнать каждую вещь в лицо.

У витрины салона передовой техники Янь Пин остановился. Его внимание привлёк круглый робот-консультант с искусственным интеллектом. Он ради интереса перебросился с ним парой фраз и, услышав мгновенные, гладкие ответы, удивлённо приподнял брови.

Конечно, в его распоряжении была куда более поразительная вещь — Система, но то было творение высших сил. А здесь простая машина, созданная руками обычных людей. Сравнить их не имело смысла, но человеческий гений всё же внушал уважение.

Удовлетворив любопытство, Янь Пин перешёл к главному делу, ради которого затеял эту вылазку.

Он отличался врождённой чистоплотностью и терпеть не мог пользоваться чужими вещами.

Конечно, случались исключения: на полях былых сражений выбирать не приходилось. Да и сейчас, очнувшись в чужом теле в крайне стеснённых обстоятельствах, он был вынужден носить обноски прежнего владельца. Но мириться с этим долго он не собирался.

Едва выменяв у Системы первые наличные, Янь Пин тут же отправился за покупками. Его главной целью было обзавестись парой сменных комплектов одежды, которые принадлежали бы только ему.

После недолгих поисков он остановил свой выбор на двух простых, просторных и приятных к телу костюмах.

Стоило ему уйти, как продавщицы принялись шушукаться, недоумевая, зачем такому красивому парню понадобились мешковатые тренировочные костюмы, в которых обычно старики в парках занимаются гимнастикой тайцзи.

Помимо этого, в другом отделе Янь Пин выложил триста юаней за тёплую стёганую фуфайку, которую можно было носить как поддёвку. Её он планировал переслать Вэнь Цзяню.

Желание согреть верного генерала появилось у него ещё тогда, когда он впервые увидел его сквозь экран Системы: Вэнь Цзянь дрожал в дырявом рубище из грубой мешковины, которое едва прикрывало наготу и ни капли не спасало от свирепой стужи.

Тогда у Янь Пина не было ни единого медного гроша, теперь же, раздобыв немного средств, он первым делом поспешил позаботиться о верном соратнике.

Прекрасно понимая, что Вэнь Цзяню сейчас нельзя привлекать лишнего внимания, Янь Пин выбрал именно нательную фуфайку. Скрытая под рваной холщовой рубахой, она надёжно защитит от холода и не вызовет ни у кого подозрений.

Здесь, в новом мире, вещи шили на удивление лёгкими, мягкими и невероятно тёплыми. Вэнь Цзянь точно оценит такой подарок.

С момента перемещения Янь Пин успел накопить шестнадцать с половиной очков заслуг.

Два очка ушли на пересылку жаропонижающих и противовоспалительных средств, ещё пять — на подробную инструкцию по лечению. Одно очко он потратил, чтобы восстановить в памяти воспоминания о Бай Фане, и ещё два — чтобы отправить генералу чашку жидкой рисовой каши и наваристый куриный бульон.

Вчера ещё три очка ушли на обмен на тысячу юаней наличными, а два — на покупку энергетического щита. В итоге его баланс съёжился до скромных полутора очков.

Из полученной тысячи половина ушла на одежду. Оставшихся пятисот юаней явно не хватило бы на то, чтобы справиться тёплые вещи для всей семьи Ли Эрчжу, приютившей раненого генерала.

Немного поразмыслив, он решил купить для них мешок риса и муки. Семья Ли Эрчжу жила впроголодь, и в преддверии голодной зимы сытная пища была для них куда важнее тёплого платья.

А уж как объяснить крестьянам внезапное появление припасов — в этом Янь Пин полностью полагался на смекалку Вэнь Цзяня. Генерал гвардии всегда умел находить выход из самых щекотливых ситуаций.

Закончив с покупками в универмаге, Янь Пин не спеша зашагал обратно к торговым рядам фермерского рынка.

В целом прогулка удалась. Портили впечатление лишь косые, полные неприязни взгляды, которыми его то и дело провожали редкие прохожие.

Впрочем, к этой глухой враждебности Янь Пин уже начал привыкать. Прежний хозяин тела успел натворить столько пакостей, что винить горожан за их праведный гнев не приходилось.

К счастью, его недоброжелатели выросли в мирное время и никогда не ведали запаха крови и свиста стрел. Стоило кому-то из самых рьяных храбрецов двинуться в его сторону с явным намерением затеять ссору, как Янь Пин бросал на него один лишь тяжёлый взгляд — и тот в нерешительности пятился назад.

Выбросив пустяковые заботы из головы, он углубился в суету продуктовых рядов. Помимо зерна для генерала, Янь Пин решил прикупить провизии и для себя — пора было учиться стряпать.

Пусть кулинарным искусством он пока не владел, ничто не мешало ему освоить этот полезный навык. Финансы пели романсы, а сидеть неделями на сухом пайке из покупных лепёшек и пресной маринованной редьки — удовольствие сомнительное.

На рынке атмосфера царила совсем иная. Пожилые торговцы не читали сплетен в интернете и

слухом не слыхивали о скандалах в шоу-бизнесе. Для них он был просто завидным статным юношей. Стоило Янь Пину подойти к прилавку, как его тут же принимались нахваливать. Он вежливо улыбался и платил той же монетой, осыпая хозяек изящными комплиментами: одной желал долгих лет и восхищался её цветущим видом, другой мимоходом пророчил благополучие в доме.

Хотя в обычные дни Янь Пин не отличался многословием, благодаря познаниям в физиогномике он безошибочно читал судьбы людей по их лицам. Его слова всегда били точно в цель, заставляя стариков сиять от гордости.

Именно этот дар убеждения и умение подбирать ключик к любому собеседнику когда-то позволили ему, лавируя между хищными соседями Великой Юн, выжить для своей израненной родины драгоценные годы мирной передышки.

Теперь же, оставшись без гроша и владея лишь одной захудалой квартирой, он понимал, что задержится в Облачном городе надолго. А значит, ладить с соседями было делом первостепенной важности.

Его мягкие, но бьющие в самое сердце слова сотворили чудо: растроганные торговцы принялись щедро набивать его сумку бесплатной зеленью, сочными томатами и отборными кочанами пекинской капусты.

— Полно вам, — мягко остановил он очередную торговку, которая пыталась впихнуть ему в пакет охапку лука. — Больше я просто не унесу.

Он на мгновение растерялся. Противостоять чужой злобе он умел превосходно, но перед простым и искренним человеческим теплом пасовал.

— Подумаешь, богатырь! — добродушно прикрикнула на него старушка, со смехом заталкивая в сумку кочан капусты. — Дома в холодильник бросишь, делов-то. Чай, не развалишься, парень молодой, сильный! Всё своё, с огорода, денег за это не прошу. Бери-бери, не обижай мать!

И впрямь, большинство этих торговцев вовсе не бедствовали. Это были не профессиональные перекупщики, а деревенские старики, которых дети перевезли к себе в городские квартиры.

Привыкшие всю жизнь трудиться на земле, в четырёх стенах они изнывали от скуки. Чтобы хоть как-то занять себя, они разбивали крошечные грядки на балконах, крышах или в палисадниках у подъездов. Урожай выходил богатым — девать некуда, вот и несли излишки на рынок, больше ради общения, чем ради скромной выручки.

Копейки они не считали, и если к ним подходил приятный вежливый юноша, с радостью одаривали его пучком свежей зелени.

Тепло попрощавшись со щедрыми стариками, Янь Пин побрёл дальше, внимательно осматривая прилавки. Кое-какие овощи казались ему смутно знакомыми, другие же он видел впервые.

Для человека, который за всю жизнь не приготовил ни одного блюда, выбор продуктов превращался в настоящее испытание. Ошибиться было проще простого: многие травы и корни выглядели совершенно одинаково.

Картина выходила забавной: высокий, благородного вида молодой человек с утончёнными чертами лица сосредоточенно сидел на корточках перед грудями картошки и капусты. Этот контраст неизбежно притягивал взгляды зевак.

В нынешний век безумных скоростей молодёжь почти забыла дорогу на рынки. Зачем тратить время у прилавков, если можно в два клика заказать готовую еду на дом?

Поэтому бойкие торговки всегда радовались редким юным покупателям. Завидев Янь Пина, они приветливо махали руками:

— Красавец, иди сюда! Погляди, какая зелень — только с грядки, утренняя роса ещё не сошла!

Янь Пин не чинился. Он сдержанно кивал в ответ, подходил и без тени смущения расспрашивал, как отличить один сорт зелени от другого.

Женщины расплывались в улыбках и с величайшей охотой пускались в объяснения. Они наперебой учили его правильно выбирать побеги, чистить корни и на глаз определять, какие овощи будут сочнее и слаще.

Тем временем на другом конце рынка показались ещё двое молодых людей — совсем ещё юные парни, заметно выделявшиеся на общем фоне.

— И какая муха тебя укусила, что ты притащился на рынок? — Сюй Яньчжоу смущённо огляделся. Вокруг сновали сплошь пожилые тётушки да седовласые старики. Не встретив ни одного ровесника, он почувствовал себя крайне неловко.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Инь Хун. — У дедушки на днях день рождения. Мой кузен Бай Фан решил лично приготовить праздничный обед, чтобы блеснуть талантом. А у меня, как назло, все сбережения ушли на покупку новенького гравикара серии LX.x «Носорог». Карманы пустые. Вот я и подумал: приготовлю-ка тоже пару простых закусок, а гостям мы скажем, что состряпали всё вместе с Бай Фаном.

— Стариков ведь дорогими подарками не удивишь, они всё на свете повидали. Для них главное — внимание и забота внуков.

— Моя затея — чистой воды искренность! Вот увидишь, дед от радости на седьмом небе будет, — самодовольно ухмыльнулся Инь Хун.

Сюй Яньчжоу лишь покачал головой.

— Ну-ну. Но если твоя мать узнает, что ты ради этого прогулял уроки, о карманных деньгах до конца года можешь забыть.

Инь Хун на секунду осёкся, но тут же по-братски приобнял друга за плечи:

— Могила! Если мы оба будем держать язык за зубами, моя матушка при её вечной занятости ни о чём не догадается.

Сюй Яньчжоу закатил глаза, но спорить не стал.

— И всё-таки, зачем тебе эта колымага? Стоит бешеных денег, а за руль тебе пока нельзя.

— Это ещё почему нельзя? — Инь Хун вскинул брови. — В следующем месяце мне стукнет восемнадцать. Сдам на права — и вперёд!

Сюй Яньчжоу замялся. Сам он перескочил через два класса, поэтому частенько забывал, что его одноклассникам по выпускному году уже вот-вот исполнится по восемнадцать лет.

Заметив замешательство на лице друга, Инь Хун снисходительно похлопал его по плечу:

— Ну что, гений, каково это — страдать от собственного ума? Не дрейфь, малявка, скоро старший брат покатает тебя с ветерком!

Сюй Яньчжоу лишь молча сбросил его руку со своего плеча.

— Кстати... Твой кузен ходил навещать того парня?

— Ходил, — Инь Хун поморщился. Одно лишь упоминание об этом человеке вызывало у него явную брезгливость.

— А мне кажется, он вовсе не такой подлец, каким его выставляют в сети, — серьёзно произнёс Сюй Яньчжоу. — Законченный негодяй не станет рисковать собственной шкурой ради спасения совершенно постороннего человека.

Он повернулся к Инь Хуну и добавил:

— В такой жуткий момент броситься на помощь — для этого требуется недюжинное мужество. И я не верю, что человек, способный на подобное благородство, может быть законченной тварью.

— Ой, да брось! Тоже мне, подвиг, — фыркнул Инь Хун, высокомерно задрав подбородок. — Какое там мужество? Окажись я на его месте, спас бы всех куда чище и быстрее этого Яня. И уж точно не валялся бы потом позорно в больнице с переломанными рёбрами.

Высказавшись, он вдруг посерьёзnel и добавил:

— И вообще, не ведись на его внешность. Да, мордашка у Янь Пина смазливая, строит из себя благородного господина, а на деле — гнилой насквозь бабник. Он в шоу-бизнесе столько народу перепортил, со счёту собьёшься!

— Он ещё со школы славился как жестокий садист: вечно измывался над отличниками из бедных семей. Попадись ты ему под горячую руку в те годы — живо бы слезами умылся. Если человек с детства гнилой, с годами он станет только хуже. Горбатого могила исправит, он просто прирождённый ублюдок.

Видя, что друга начинает нести, Сюй Яньчжоу поспешил перевести разговор на другую тему.

Сюй Яньчжоу приходился двоюродным братом Инь Хуну по отцовской линии. Мать же самого Инь Хуна была родной сестрой Ци Юань — нынешней хозяйки влиятельного семейства Бай. А тем самым «кузеном», о котором они спорили, был Бай Фан.

О Янь Пине Сюй Яньчжоу не раз слышал от родственников, поэтому волей-неволей обращал внимание на любые новости, связанные с этим скандальным именем.

Мать как-то обмолвилась в разговоре, что их новообретённый кузен Бай Фан привязался к Янь Пину до какой-то болезненной крайности.

В своё время, едва узнав правду о своём происхождении, Бай Фан наотрез отказывался возвращаться к родным родителям в дом Бай. И лишь когда Янь Пин прямым текстом заявил, что такой никчёмный братец ему даром не нужен, обозвал его обузой и велел катиться на все четыре стороны, чтобы под ногами не путался, парень наконец сдался.

Для любого здравомыслящего человека картина была очевидной: тогда клан Янь ещё процветал, и капризный наследник Янь Пин просто брезговал общаться со «случайным подкидышем». Как только открылось, что в венах Бай Фана течёт чужая кровь, его без малейших сожалений выставили за порог.

Однако вскоре после возвращения Бай Фана в лоно родной семьи над кланом Янь грянула гроза. Они лишились всего.

И тут проявилась поразительная, граничащая со слабоумием наивность Бай Фана. Вместо того чтобы возненавидеть жестокого родственника, он извратил всё в своей голове. В его глазах Янь Пин превратился в благородного защитника, который якобы заранее предвидел крах своей семьи и прогнал названного брата лишь для того, чтобы уберечь от грядущих бедствий и нищеты.

В семье Бай это вызывало лишь глухую ярость. Члены клана качали головами: надо же так запудрить мозги парню! За двадцать лет совместной жизни Янь Пин выдрессировал Бай Фана так, что тот до сих пор смотрел на него как на божество, не замечая очевидной правды.

От одной мысли об этом у старшего поколения Баев зубы скрипели от досады.

«С таким талантом вешать лапшу на уши ему бы секты основывать, а не портить жизнь приличным людям!» — сокрушались они.

Для них Янь Пин навсегда остался хитрым, расчётливым эгоистом и гнилым до мозга костей мерзавцем.

Но когда в сеть попала та злополучная запись из горящего дома, Сюй Яньчжоу внимательно пересмотрел её. Поймав через объектив камеры спокойный взгляд тёмных глаз Янь Пина, он ощутил странную уверенность: этот человек не может быть законченной тварью.

Быть может, он действительно умён и скрытен, но в его облике не проглядывало ни подлой трусости, ни дешёвого притворства.

Размышления Сюй Яньчжоу грубо прервал нарастающий гул голосов впереди. Вскинув голову, он обомлел: толпа перед ними внезапно пришла в движение, и люди с криками бросились врассыпную.

Торговцы бросали свои лотки, покупатели роняли сумки — вся рыночная площадь в одно мгновение превратилась в бурлящий хаос.

<http://bllate.org/book/18369/1804800>